

А.М. Анохин

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ГРАНИЦЫ

В статье анализируется явление социальной адаптации через раскрытие понимания феномена границ как социального состояния и пространственно-временной категории. Предлагаемый подход позволяет оценить необходимость структурирования социального пространства, как в физическом, так и идеализированном плане, посредством усиления креативного механизма, интерпретации языка символов и определения социальной дистанции.

В ходе развития науки проблема адаптации вышла за рамки эволюционной теории и общей биологии и стала проникать в медицину, социальную психологию, кибернетику, социологию и другие науки. В самой общей форме явления адаптации в живой природе воспринимаются как выражение целесообразности в устройстве и функционировании организмов и социальных групп, т.е. понятия адаптации и целесообразности зачастую рассматриваются как синонимы. Однако в зависимости от социального контекста допустимо использовать другие понятия: «приспособление», «уравновешивание», «соответствие», «восприятие норм и идеалов», «вживание», «вхождение в коллектив» и др.

Для рассмотрения социальной адаптации в контексте феномена границ остановимся на понимании адаптации как приспособления в широком, феноменологическом плане (Содейка 1991), — как адаптации *к чему-либо*, *с чем-либо*, *в чем-либо*. Приспособление *к* чему-либо предполагает разделение или наличие внешнего и внутреннего в социальной структуре. Это внешняя составляющая адаптации. С другой стороны, можно выделить и ее внутреннюю составляющую — приспособление *с* чем-либо и приспособление *в* чем-либо, акцентирующих внимание не на противопоставлении, а предполагающих согласование и функционирование совмещенных, связанных элементов, что особенно характерно для этнометодологии и теории повседневности в социологии (Давыдова 2002).

Приспособление осуществляется к чему-то субъективно или объективно новому. Наиболее традиционное понимание необходимости изменений — это существование локальных проблем, которые не разрешимы в определенное время в данном состоянии с данным сообществом и с существующим ресурсом. Социальные взаимодействия, в которые индивид вступает в ходе повседневной

жизни, подвластны вышеупомянутым ограничениям. Это создает флуктуационные деформации социального пространства и изменение профиля пространственных границ личности и общества, приводит к возникновению различных потоков (к которым можно отнести любые ресурсные перемещения, а также их социальные «пути», по которым они организуются), играющих значимую роль в социальной адаптации.

Граница как средство маркирования социального пространства

Внутренняя и внешняя составляющие адаптации образуют единое понятие, определенная часть которого носит социальные маркеры пространства. В философии пространство рассматривается как способ бытия, взаиморасположения и взаимодействия сосуществующих в нем предметов. В нем индивид противостоит как себе подобным, так и окружающему миру со всем его содержанием. Будучи единым, индивид не терпит никакого стирания своих границ. Под целостностью группы также часто понимается наличие и сохранность ин-групповых границ, отделяющих ин-группу от внешнего группового окружения. Размывание ин-групповых границ ведет к угрозе сохранения целостности группы и ее уничтожению. В основе концептуализации общественной системы как некоей *самости* лежит проблема *границы*. Любая система с точки зрения формы есть определенное различие между нею самой и окружающей средой, которое производится как изнутри (понимание границы себя и не себя), так и снаружи (нормирование и интерпретация отличий). Но в то же время они являются *погруженными в пространство*, в котором существует множество возможностей новых оценок границ и иных самодостаточных форм. Общее понятие границы используется для обозначения различных видов границ — как социального состояния, так и пространственных и временных (социальных, культурных, исторических и пр.). Выделение отличий и операции с ними, т. е. осуществление демаркации, приводит к актуализации проблемы адаптации, решающей вопрос сохранения и регулирования «границ». В то же время, «граница... является для нас ориентирами в бесконечном пространстве нашего мира», отмечает Г. Зиммель (Зиммель 1996: 7), т. е. сама является средством, относительно которого компоненты социального поля сохраняют свою динамическую устойчивость и адаптивные способности. Другими словами, наличие относительно устойчивых границ, с одной стороны, и движение определенной части социума, с другой, сохраняют совокупную устойчивость социального пространства, что позволяет говорить о возможной социальной адаптации.

Перемещаться относительно устанавливаемых или закрепленных границ, изменять пространственную структуру социума, может как субъект (опирающийся, в том числе на собственную субъективную оценку), так и сам социум, постоянно осуществляя своеобразную «миграцию» собственных границ, трансформируясь через свои динамические компоненты (к которым, например, относятся ресурсы). При этом нужно осознавать, что «субъекты деятельности являются не просто способными к движению, но целеустремленными существами с собственными намерениями, или “проектами”». Для того чтобы проекты, задуманные индивидами, были реализованы, они должны преодолеть встречающиеся на их пути трудности, используя ограниченные по сути своей пространственно-временные ресурсы (Гидденс 2003: 157–158).

Это ограничение своей постановкой проблемы: «Как выживает человек в нечеловеческих условиях концлагеря?» отчасти решает В. Франкл, расширяя границы понимания социальной адаптации. Выживает человек, решающий внешние по отношению к себе, находящемуся в данной социальной ситуации, задачи. Если есть «внешний» смысл* — человек выживает. Личностный критерий — жизнь, в данном конструкте сочетается с постоянным процессом выживания и структурой, которая не центрируется на личности или внутри ее (психологический уровень). Система (в данном случае выживания) предполагает дистанцированные от «Я» социальные структуры. Подобным образом структурируется и осуществляется государственная поддержка других стран, посредством которых страна-донор повышает *свой* адаптационный уровень (даже в ситуации объективной собственной нужды). Адаптация в данном контексте выступает как социологический конструкт определенных коммуникаций личностей, групп, институтов и др., фоновое пространство между которыми имеет значимый смысл. В любом случае мы говорим о перемещении, подвижности компонент социальной среды, приходящих в столкновение и тем самым обозначающих себя. «Границы столкновений, — отмечает Гидденс (Гидденс 1999: 105), — особенно важны в случае, когда столкновение сильно отличается от обычных повседневных процедур, либо существует какая-то неясность относительно того, что происходит».

Понимая изменения как субъективно и объективно детерминированные, мы можем увидеть, что более предпочтительными являются те, которые организуются субъектом, а не только объективно с ним происходят. В этом случае сам человек изменяет дистанцию, делает границы подвижными, регулирует в локальных пределах нововведения и новообразования. Естественно, что эти явления не регулируются дискретными, элементными частями. Осуществляется регулирование всего потока, всей совокупности явлений, где адекватность достигается через готовность человека к изменению, к движению-развитию, что соответственно, предполагает рассмотрение вопроса креативности.

Проблема креативности в социальной адаптации

Характеризуя личность, имеющую большие шансы оптимального движения в самоорганизующемся социальном потоке, мы отмечаем ее креативный характер. Тем не менее, как отмечает Э. Гидденс: «Нет сомнений, что структура должна устанавливать границы изменений и пределы случайного в социальных системах. Конечно, остается пространство для вариаций и творчества индивидов» (Гидденс 2003). Готовность к творчеству и креативный процесс способствует быстрому, а самое главное — постоянному приспособлению. Адаптация в этом случае становится стилем жизненного пути активного субъекта, где творчество выступает средством достижения продуктивного и конструктивного развития. В случае «пассивной», неожиданной трансформации изменения предстают как общественный кризис с соответствующими социальными напряжениями. Результаты «выхода» из ситуации кризиса, как правило, обсуждаются на языке потерь (проявленных или потенциальных). В этом смысле «логичным» видится построение отношений, направленных на избежание кризиса, опираю-

* С нашей точки зрения, этот смысл может быть задан как самим человеком, так и идеологией.

щихся на «более четкое» планирование или бытовое «авось», характеризующее непродуманность действий в плане их отдаленных последствий и последствий, затрагивающих пространство, находящееся вне актуальных окрестностей человека. Любая статичность (целенаправленная, как достижение определенного уровня и остановка, или вынужденная) приводит к состоянию дезадаптации, в то время как подвижное (суммарное или интегральное) равновесие, приводящее к состоянию постоянной адаптации, является адекватной моделью современной действительности. Однако во всех случаях (будь то субъективная или объективная позиция), процесс не представляется завершенным; его участником в любом случае выступает субъект.

Сегодня происходит переход от оценки модели социума как «жесткого» объекта к «мягкой» модели, опосредованной субъективными представлениями и не подчиняющейся устойчивым правилам (Личностно-ориентированная социология 2004; Давыдов 1994). Соответственно, распространяются качественные методы и соответствующая интерпретация результатов, поскольку познание общества стало опираться на понимание субъектом самого себя и предполагать наличие у него креативного начала. Это отмечает и И.В. Давыдова, исследуя позицию А. Шюца (Давыдова 2002). Только сам актер знает, когда действие началось и когда оно закончилось, поскольку «только система мотивов определяет для актера значение конкретного акта, который он собирается совершить» (The Theory of Social Action 1978: 38–39). В то же время, «в определенной степени мотивация является границей способности воображения», отмечает А. Агирре (Aguirre 1982: 159) — или, другими словами, характеристикой субъекта, определенным образом ограниченного другими. Следовательно, проблема креативности при социальной адаптации лежит не в плоскости индивидуального развития, а социально детерминирована и особо актуальна в контексте осуществления приспособления.

Понятие «Другого» в оценке феномена границы при социальной адаптации

Для понимания и оценки своего изменения, собственной системы мотивов, личности нужен *Другой*, с его относительно устойчивой или, наоборот, более динамичной позицией. Эта относительность позволяет человеку увидеть себя, адаптироваться к тому новому, что возникает в его собственной системе ценностей, границы которой определяются *Другим* и его ценностями.

В этом случае мы можем столкнуться со смыслом, характеризующим специфическое состояние и качество границы — Limit (от англ. «предел»), за которым лежит неизвестность. Limit абсолютен, за ним возможно лишь сакральное пространство или пространство табу, предписываемое *Чужому* (в нашем понимании Чужой является эмоционально окрашенным *Другим*). В работе Г. Зиммеля «Социология» определяется как понятие «чужого» — странника, прекратившего странствие, так и сама чужестранность как позитивное отношение к миру. Только остановившийся в каком-то месте странник дает повод к образованию единства «ближнего – дальнего». Возникает социальный статус, комбинирующий принадлежность к месту и группе и независимость чужестранца, не просто незнакомца или неизвестного, но не имеющего связи ни с кем конкретно,

а лишь с группой в целом. Его позиция подразумевает одновременно вне- и противостояние. Здесь, указывает автор, восприятие чужого дано через взаимодействие, имманентно. Неопределенность положения внутри общности позволяет приписать чужому возможность свободного общения со всеми членами сообщества, при этом он остается по ту сторону границ групповой общности, не имеет поддержки, получаемой коренными жителями. Чужой, по определению Г. Зиммеля, находится в беспристрастной ситуации, что делает его в глазах окружающих опасным. В его свободе лежит корень его несвободы (Simmel 1992). В 1920-е гг. эти идеи были развиты Р. Парком в его концепции маргинальности. Маргинал прокладывает путь по границе двух культур и должен реализовать свой творческий потенциал, чтобы в одиночку преодолеть социальное столкновение. Если же социальная структура слишком жесткая и устойчивая, он так и остается на обочине жизни, полагает другой американский социолог Р. Мертон.

Не обошел вниманием эту тему и А. Шюц, рассматривавший устойчивость, долговечность социальных связей как конститутивный признак отношений между «чужими» и «своими». Больше всего его интересовали процессы преодоления чуждости, нового культурного окружения. «Чужой» для А. Шюца — человек, переживающий личный кризис и стремящийся проникнуть посредством изменения системы ценностей в новую структуру, как отмечает А. Нассеи в работе «Чужой как ближний. Социологические исследования конструкции идентичности и различия» (Nassehi 1995: 443–463).

Для перечисленных точек зрения на проблему чужого-другого, называемых классическими, характерна одна особенность. Все они представляют чужого как входящего в стабильную структуру, не подвергающего сомнению прочность последней. В нашем понимании инаковости исходным предполагается подвижность социальных структур. Понятие «Другого», отличающегося от «меня» и от «моего», имеет расстояние, дистанцию, оно отделено от меня, отграничено. Граница выполняет в этом случае роль некоторого «стабилизирующего начала», точки отсчета, необходимой для рассмотрения вопроса о взаимоприспособлении меня и Другого в структуре динамического пространства, в котором мы находимся в единстве. Таким образом, наша композиция с Другим имеет некий центр, определенную дистанцию, задающую коммуникативную конфигурацию (границу) и сохраняет нашу динамическую устойчивость в среде. Граница между нами определяет нас и Другого.

Граница как средство конструирования социально-временного пространства

«Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуру», потому любая удаленность друг от друга может быть измерена не только в категориях пространства, но и категориях времени (Бергер, Лукман 1995: 49). Не все и не всегда могут проникать всюду. «Нормативная импликация» означает, что для каждого действия или взаимодействия предполагается «свое место». Существуют ограничения и разрешения: кому-то что-то можно в определенном месте. Другим — нельзя, или можно здесь, но нельзя в другом месте, или можно каким-то индивидам или типам индивидов, но нельзя другим, а те,

кому можно, ведут себя здесь определенным образом (Giddens 1985: 13). Получается, что мы квалифицируем определенное физическое пространство не только по тому, какие именно и чьи именно действия здесь возможны или запрещены, но и наоборот: всякий раз, когда говорим о действиях, мы связываем с самим понятием того или иного действия возможность происходить только в «окружении» определенного типа. То есть адаптация может происходить только там и тогда, когда социум готов к этому процессу, структурирует себя необходимым образом и обладает определенным ресурсом для этого.

Эта установка имеет *формальную и ситуационно относительную* структуру: главное в ней — *граница*, ситуационно очерчивающая окрестности действующего лица и отделяющая тем самым «здешний» (пространственный фактор) и (или) «теперешний» (временной фактор) мир, находящийся в актуальной досягаемости актора, от «тамошнего» и (или) «тогдашнего» мира, находящегося вне актуальной досягаемости. Эта граница может проводиться по-разному, иметь разный временной и пространственный охват, в зависимости от идентичностей, в которых человек выступает как индивид или представитель группы. Именно мир в актуальной досягаемости с включенными в него объектами становится определяющим в принятии решений и организации действия. Границы этого актуального мира могут определяться индивидуальным «Я» и типичными общностями, данным обыденному сознанию в качестве единиц (например, семья, этническая, религиозная и иная группа, организация, государство и т.п.). Это, например, рассмотрено в работе Ф. Барта (Barth 1969) «Этнические группы и границы: социальная организация культурных различий», в которой он использовал категорию «граница» для определения этнической группы. Важным аспектом при определении группы он считает внутреннюю и внешнюю категоризацию. Членство в этнической группе (здесь видна близость с концепцией Г. Тэджфела и Дж. Тернера) зависит от категоризации и самокатегоризации. Ценностью наделяются те культурные категории, которые выступают маркерами групповых границ и различий.

В логике конструктивистского подхода Ф. Барта, этническая группа — общность, сформированная индивидами на основе культурной самоидентификации и стратегического манипулирования своей идентичностью, подчеркивающая или нивелирующая ее в различных контекстах по отношению к другим (не обязательно тесно контактирующим) группам, с которыми она находится в фундаментальных связях. Этническая идентичность — процесс социального конструирования общностей, основанных на вере в то, что они связаны естественными, даже природными связями; это представление об определенной культуре или вера в нее, миф об общности происхождения, истории, но и борьба за эти представления, результат производства границ. Люди могут пересекать границы между группами, но это не влияет на устойчивость и стабильность самих границ, разделяющих группы. Фокусом исследования различных социальных групп должны стать социальные границы: как и почему поддерживаются и (вос)производятся межгрупповые границы. К этому же выводу приходит и Г. Зиммель, отмечая, что единство группы обеспечивается исключительностью группы по отношению к другим и наличием границ. Группа «сплавлена, солидарна с определенной протяженностью границ».

Все это означает, что социальные исследователи фокусируют внимание на том, что социальные и символические границы между социально- культурными категориями, такими как класс, раса, гендер, сексуальная ориентация, представления о центре/периферии, действительно конструируются (Paasi 1999: 17). Социальное пространство территории, где идентифицируют себя различные группы и, соответственно, существуют границы между ними, имеют прерывистую структуру, что используется для исследования определенных групп, *дифференцированно* выделяя их из реального социального пространства. Границы социальных групп и их силовое пространство — это результат социального конструирования, которое разворачивается как на макро-, так и на микроуровнях.

Совокупности людей, которые считаются «обществом», строго говоря, *никогда* не проявляют себя в совместных действиях как целостность и *никогда* не проводят формальную границу, очерчивающую действительно устойчивые и воспроизводящиеся единства (нации и этносы, верующих одной конфессии, носителей общего языка и культуры и т.д.). Доказательством этому выступает наличие в каждом обществе людей, последовательно уклоняющихся от проявлений формального или деятельного единства — социология определяет эти явления как «аномию», «девиацию», «ретритизм» и т.д. Безработные, преступники, бездомные (отягощенные алкоголизмом, наркоманией и др.), беженцы, деклассированные, т.е. не выполняющие видимой прагматической социальной функции люди рассматриваются как «маргинальная масса», «люмпен», или ненужный (в значительной степени «лишний») балласт в основании социальной структуры общества, содержательно игнорируются в социальном пространстве. Однако именно потенциал маргинальных слоев, позволяющий реально изменять конфигурацию (строение) общества, лежит в основе многих из его динамик. С нашей точки зрения, существует прямая зависимость между величиной маргинального слоя и адаптационной способностью социума: чем сложнее социальные условия, тем больше становится маргинальный слой, стабилизирующий процессы адаптации. Как отмечает Э. Гидденс (Гидденс 2003), задние планы представляют собой важный ресурс, рефлексивно используемый влиятельными и не очень индивидами для обеспечения и поддержания психологической дистанции между их собственными взглядами на социальные процессы и теми трактовками, которые встречаются в «официальных» нормах. «Нормы играют роль “фактических” границ социальной жизни, по отношению к которым возможно разнообразное множество поддающихся управлению установок» (Ibid: 42). В период жесткого тоталитаризма осуществлялось стирание границ между тюрьмой и не тюрьмой, во время экономических кризисов — между легальным бизнесом и теньвым и т.д. Для человека значима не столько воздействующая на него среда, сколько некоторый искусственный топоним (единство реального и перцептуального пространств), т. е. оценка человеком пространства. При этом происходит сохранение-удерживание в операциональном поле разума не реального, а перцептуального пространства. Граница — это не пространственный факт с социологическим воздействием, но социологический факт, который принимает социологическую форму. Социологическим фактом является то, что люди вообще отграничивают себя от соседей. А будут ли они считать границей гору, реку, ущелье или же, за неимением таковых, проведут между в чистом поле, —

это уже конкретное “пространственное наполнение”. Само пространство незначимо. Это люди придают ему смысл и действуют соответственно» (Simmel 1992: 689, 697).

Наиболее отчетливо данное явление начинает проявляться сегодня и связывается с «открытостью» границ, относительно свободным их пересечением и трансгрессией идей, товаров, капиталов, людей. Сейчас граница «в меньшей степени ограничение, но момент встречи, сотрудничества, соседства» (Medvedev 1999: 43–57). Граница становится не столько феноменом разъединения, сколько местом или точкой пространства, где осуществляется переход и обмен ресурсами, осуществляется взаимообогащение, осуществляется помощь и взаимопомощь. Это формирует новое социальное пространство, новые солидарности и, соответственно, создает социальную сеть, обладающую большой устойчивостью, повторяемостью на протяжении длительного периода времени, причем все это выражается в новых формах взаимодействия между людьми*. Поэтому для исследователя, изучающего социальную адаптацию в рамках качественной парадигмы социологии, социальные практики людей, их образ жизни являются центральным предметом изучения.

Когда мы говорим о социальной адаптации, речь идет о перераспределении ресурсов. Ресурсы распределяются в социальном пространстве очень неравномерно. Это касается как сырьевого уровня, производства, так и хранения, распределения-перемещения и потребления. Индивиды, занимающие разные социальные позиции, соответственно располагают разными ресурсами и их оценкой. Если вчера большую роль играло наличие и объем сырьевого ресурса, что требовало ориентации общества на накопление и сбережение, то сегодня социум ориентирован на потребление, а ценностным становится умение расходовать и перераспределять. Отметим, что индивид (да и человечество в целом) наделен ограниченными материальными ресурсами, так же как он ограничен в механизмах хранения и потребления (более того — это, как правило, взаимное ограничение). Образ потребления, с соответствующей моделью поведения, — категория навязываемая, диктуемая культурой, — описывает сферу необходимости, несвободы. При социальной адаптации уровень потребления субъективно и объективно понижается. Это позволяет направлять больший ресурс на сам процесс приспособления. Зачастую понижение уровня потребления понижается не только у адаптанта, но и у его значимого окружения (например, при адаптации новорожденного зачастую мать выстраивает стратегию собственной дезадаптации, что имеет в целом для системы мать-дитя негативное развитие).

Практически не ограниченным является ресурс распределения-перемещения, выступающий в современной ситуации общественного развития как более значимая динамическая характеристика социальной устойчивости и имеющая критерийные основания социальной адаптации. Разделение и перемещение — категории, связанные с феноменом границы, являются показателями уровня адаптивности системы в постоянно конструируемом социально-временном пространстве.

* Пример межсубкультурного обмена в неформальной сети можно, в частности, найти у Т.Б. Щепанской (Щепанская 2004).

Язык социальных знаков в социальной адаптации

Говоря о пространственном конструировании, нельзя не затронуть связанный с этим вопрос создания соответствующего языка. Внутренние взаимозависимости производимых элементов и их особые комбинации обеспечивают границы общества, а обращенность актов системы «внутри», на самовоспроизводство, характеризуют такое важнейшее качество, как оперативная закрытость системы коммуникаций (Луман 1994: 25–42). Более того, человек с этой точки зрения сам целиком предстает как продукт культурного производства, и создается своеобразная инверсия: люди образуют «среду», «случайный» фон, контекст общества, которое существует как система воспроизводства культуры посредством коммуникации. При этом на первый план выступает проблема кодирования, или согласованного обмена между «человеком» и «обществом» на границах их теоретического различия. Социальное пространство — это место локализации действий индивидов, включенных в социальные сети. В большинстве локальностей границы, разделяющие зоны, имеют вещественные (материальные) или символические проявления. В контекстах взаимодействия «лицом к лицу» допускается большая или меньшая степень возможности проникающего «присутствия», охватывающего сопредельные зоны (Гидденс 2003: 189).

«Пространственная структура имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей» (Бергер, Лукман 1995: 49). Манипулятивная деятельность (во власти, в экономике, в политике, в культуре, в образовании и т.д.), зачастую скрывающая реальные процессы, наряду с языковыми средствами (речевыми, лексическими, а также невербальными), создает довольно плотную социальную границу, позволяющую строго дозировать объем и характер контактов с другими социальными образованиями. Обычно группы, располагающиеся на нижних этапах социальной иерархии, стремятся размыть символическую границу, отделяющую их от вышестоящих групп и слоев. Последние, в свою очередь, стремясь сохранить символическую исключительность, как правило, пытаются защитить границу, прибегая в частности к конструированию все новых и новых символов принадлежности к высокостатусным общностям, отличающим их от «массы». Чем выше страта (и чем более она вписана в сложившуюся социальную структуру общества), тем действеннее она использует соответствующие символические ограждения. Реальная угроза увеличивает непроницаемость групповых границ, когда межгрупповые барьеры используются для поддержания социальной дистанции между членами различных групп (Кемпбелл 1979). Для исполнения защиты применяется зона *табу*, содержание и структура которой не прозрачна, позже в культуре появляется сакральное знание, которое сменяет более массовое профессиональное или знание субкультурального смысла.

Важную роль в этом играет мода, являющаяся формой символической самозащиты групп с высоким статусом, которые за счет быстрой смены моделей потребления пытаются поддерживать социальную дистанцию. Впервые концепцию социальной дистанции разработал основатель чикагской социологической школы американский социолог Роберт Парк. В его работе (Park 1924: 339–344) были упомянуты категории социальной дистанции, а сама «шкала со-

циальной дистанции» и методы ее изменения, с опорой на идеи Р. Парка, была предложена в 1925 г. американским социологом Э. Богардусом. Э. Богардус не стремился соотнести установки с личностными чертами (в отличие от Г. Олпорта) и, более того — не считал количественное измерение установок с помощью шкалы сколько-нибудь надежным и самодостаточным. Под категорией социальной дистанции понимается чувство близости-отчужденности социальных групп, отдельных людей или расстояние между ними, открытость во взаимодействии с другими людьми и социальными группами. Шкала применяется для измерения дистанции, связанной с расовой, национальной, гендерной, профессиональной, религиозной, возрастной и др. принадлежностью.

Если по типу потребления индивида можно определить, к какой части социального пространства он принадлежит (все, что потребляет человек, выступает элементами текста, который читается окружающими как образ, позволяя определить местоположение индивида в социуме), то, перераспределяя потоки ресурсов, индивид остается в социальном пространстве закрытой фигурой*, более неопределенной, чем кто бы то ни было в данном локале.

Социальное пространство приобретает иную реальность — знаковую, и выражается в виртуальном плане. Более значимыми становятся не сами объективные феномены физического или социального пространства, а приписываемые им смыслы, т. е. знаки. Естественно, что значение остается и за материальными ценностями и реальными объектами, действенными являются непосредственные физические столкновения индивидов с ними, но основные операции в социуме сегодня проводятся объектами, в большинстве случаев не имеющими реального материального наполнения (политические обещания всеобщего счастья, деньги, фьючерсные договора, спекуляции на биржах и т.д.).

Знак выступает проявлением взаимодействия. В процессе социализации люди изучают язык социальных знаков, посредством него происходит и возможна средовая (и, социальная, в частности) адаптация. Владение языком, позволяющим более адекватно читать социальные знаки, является одним из условий успешности адаптанта. Это позволяет сделать границы более прозрачными, а значит, адаптант может стать более адекватным среде.

Однако одному и тому же природному или социальному явлению в разных группах, субкультурах, слоях общества и культурах может быть приписан разный смысл. Отсюда и разночтения одного и того же знака членами разных групп, культур и уровней подготовленности (образование, профессиональная компетентность и др.). Поэтому взаимодействующим индивидам недостаточно для полноценного общения и взаимодействия только знаковой среды. Они стремятся сами активно обозначать свое место в социальном и культурном пространстве, т. е. конструировать свою идентичность. Позитивная идентичность выполняет динамическую функцию создания и поддержания социальной адаптации. Адаптация как одна из точек начала развития ин-групповой солидарности является причиной и основой процесса социальной категоризации. Категоризация всегда предполагает больше сходства между членами ин-группы и больше различий с

* Пример, поясняющий данный феномен, приводит Г. Зиммель, говоря о таком человеке, как купец (Simmel 1992).

аутогруппой. Человек в процессе адаптации начинает выделять в изначально социально «равнозначном» пространстве определенные точки, уплотнения, присваивая им статус «свой» или «чужой». Стоит отметить, что иррациональные маркеры, вроде «моя земля», «моя национальность», служат этой цели гораздо лучше, чем рациональные убеждения. Иррациональные фантазии продуцируют длительную поддержку групповой идентичности, способствуя и поддерживая внутреннюю связь в пределах каждой группы и сегрегацию между группами.

Главным инструментом в этом процессе выступают символы. «Символ сообщества сам ведет человека в сообщество, действительно и ошутимо служа средством консолидации групп» (Щепанская 2004: 131). Там, где кончается постоянное общение, сотрудничество, взаимодействие того или иного типа, прекращается и производство общих символов, поскольку в них исчезает необходимость. Граница социального поля проходит там, где кончается более или менее однозначное понимание символов. Граница — это зона, где взаимопонимание переходит во взаимное непонимание, *выступая рубежом некомпетентности, а в социальном плане — не принадлежности.*

Создание комплекса символов «для тех, кто знает», — это важная составляющая процесса конструирования социального пространства. Особенно это характерно для стилевых групп, субкультур, профессиональных, этнических, религиозных (особенно малых) групп. Вся процедура Т.Б. Щепанская представляет состоящей из четырех последовательных этапов: символ — интерпретация — реакция — сообщество (связи и структуры). «*Знаки и символы* — то, что наиболее заметно... в контексте их бытования, в конкретных ситуациях, когда они имеют смысл и происходит их актуализация» (Там же: 19).

Важную, с нашей точки зрения, роль для адаптации играет *интерпретация*. Мы придерживаемся мнения, что, во-первых, интерпретации должны осуществляться с позиции того или иного сообщества, а не с других позиций; во-вторых, из статусных и ролевых позиций; в-третьих, их необходимо осуществлять ситуативно (Там же). Говоря о поведенческом уровне, осуществляемом при переходе от знакового уровня и называемого *реакцией*, мы имеем «возможность упорядочить множество интерпретаций, которое имеется у каждого символа... Подход к интерпретации символа как проекции поведенческой установки или программы, позволяет реконструировать или... учесть в классификации невербальные и даже неосознаваемые значения символов» (Там же: 23–24). И, наконец, социальные следствия. «Символ служит сигналом не просто к действию, но к *взаимодействию* (или *отказу от него*)... это вносит изменения в структуру сообщества» (Там же: 25). Заимствование чужих символов, а также их захват, ассимилирование или наложение (например, одежды, деталей атрибутивной символики), изучение их (например, иностранного языка) ведет к сужению зоны непонимания. «Таким образом, фиксируя процессы считывания Системой символики, мы имеем возможность наблюдать не только их поведенческие, но и социальные последствия и, в конечном счете — реконструировать социальную структуру сообщества (типы и конфигурацию связей, ситуации и механизмы их возникновения и разрыва)» (Там же).

Э. Гидденс говорит о том, что есть такие взаимодействия, где присутствие другого человека или других людей ощущается нами совершенно безусловно

(Giddens 1981: 39–40.) М. Мерло-Понти указывает на то, что тело не «занимает» время-пространство в том смысле, как это делают материальные объекты. «Контур моего тела — это некая граница, которую обыкновенные пространственные отношения не пересекают» (Мерло-Понти 1999: 137). Это происходит потому, что тело и опыт телодвижений являются ключевым моментом форм деятельности и сознания, которые фактически определяют его целостность. Пространственно-временные отношения присутствия, сконцентрированные на теле, приспособляются не к «пространственности позиции», в терминологии М. Мерло-Понти, но к «пространственности ситуации». «Здесь» тело относится не к определенному ряду координат, а к положению тела, ориентированного на собственные задачи, в общественной системе знаков. «Общение лицом к лицу не подразумевает явных границ, изолирующих взаимодействие от индивидов, не участвующих в нем. В этих условиях рефлексивный мониторинг тела, телодвижений и позиционирования используется, как правило, во имя формирования “условной ограниченности взаимодействия”. Иными словами, нормативно санкционированная “преграда” отделяет тех, кто участвует во взаимодействии, от тех, кто просто сопresents» (Гидденс 2003: 129–130).

Обобщая сказанное, можно выделить несколько основных моментов.

Во-первых, адаптация есть деятельность, совершаемая на границе освоенного и не освоенного, действительного и условного. Адаптирующийся не должен покидать почвы обыденного (привычного, «родного»). Ему необходимо постоянно оглядываться на нее и хранить ее образы, стереотипы и контролируемые механизмы в качестве фона и границ (временных, пространственных, социокультурных), не дающих человеку полностью раствориться в новом.

Во-вторых, адаптационный процесс предполагает конструирование реальности субъектом и группой в определенных ими границах локальностей. Оставляя пространство для вариаций и творчества индивидов, структура устанавливает границы изменений и пределы случайного в социальных системах.

В-третьих, сама адаптация в целом возможна только тогда, когда она стала освоенной, т.е. приобрела форму *обыденности*. Человек должен войти в адаптационный процесс, стать его органической частью, научиться автоматически выполнять его правила и, естественно, чувствовать себя в соответствующем времени и пространстве, быть адекватным им. Таким образом, адаптация не обособлена от социальной обыденности и сама есть ее форма, «внутренняя» составляющая общего процесса.

Общая схема адаптационного процесса в контексте феноменологии границ может выглядеть следующим образом: 1) обнаружение Другого в локальном пространстве; 2) активизация его для определения границ; 3) оценка ресурса и потенциальной возможности нахождения, включения нового ресурса; 4) процесс нового «нормирования», понимаемый как творческий; 5) задание механизма постоянной адаптации, адекватной изменяющейся среде.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

А.М. Анохин. Социальная адаптация в контексте феномена границы

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М: Академический Проект, 2003.

Давыдов А.А. Модульный анализ и конструирование социума. М.: Ин-т социологии РАН, 1994.

Давыдова И.В. Формирование этнометодологии: влияние Т. Парсонса и А. Шютца на теоретическую позицию Г. Гарфинкеля // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 115-129.

Зиммель Г. Созерцание жизни. Четыре метафизические главы // Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Пер. М.И. Левиной. М: Юрист, 1996.

Кемпбелл Д.Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект//Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М, 1979.

Личностно-ориентированная социология (П.Л. Бергер, Б. Бергер и Р. Коллинз). М.: Академический проект, 2004.

Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия: Пер. с фр. / Под ред. И.С. Вдовиной, СЛ. Фокина. СПб.: Ювента, Наука, 1999.

Содейка Т.А. Спор Ингардена и Гуссерля: статус сознания в феноменологии и границы человеческого состояния // Феноменология в современном мире. Рига: Зинатне, 1991.С.211-224.

Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М: ОГИ, 2004.

Aguirre A. Die Phänomenologie Husserls im Licht ihrer gegenwärtigen Interpretation und Kritik. Darmstadt, 1982.

Barth F. (ed.) Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Differences. London: George Allen and Unwin, 1969.

Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. I. Power, Property and the State. L.: Macmillan Education, 1981.

Giddens A. The Nation-State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity, 1985.

Medvedev S. Across the Line: Borders in Post-Westphalian Landscapes // H. Eskelinen (ed.) Curtains of Iron and Gold. Aldershot: Ashgate, 1999.

Nassehi A. Der Fremde als Vertrauter. Soziologische Beobachtungen zur Konstruktion von Identitäten und Differenzen // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1995. Jg. 47. Heft3.

Paasi A. The Political Geography of Boundaries at the End of the Millennium: Challenges of the De-territorializing World // H. Eskelinen (ed.) Curtains of Iron and Gold. Aldershot: Ashgate, 1999.

Park R. The Concept of Social Distance//Journal of Applied Sociology. 1924. Vol. 8.

Simmel G. Soziologie / Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1992.

The Theory of Social Action / Ed. by R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1978.